

как и раньше, Миллер сравнивает Юнкера с лучшими поэтами эпохи и снова подчеркивает врожденный характер его гения, чуть раньше он говорит о присущем стихам Юнкера «великом остроумии» (*vieler Witz*).⁷⁵ Сам Миллер, на протяжении всей жизни интересовавшийся немецкой и русской поэзией, высоко ценил творчество Юнкера и сожалел о несостоявшемся издании его стихотворений, которое не успел подготовить И.-Г. Бок, умерший в 1760 году.⁷⁶ Ему Миллер отправил «много материалов» Юнкера, затерявшихся в Кёнигсберге. По свидетельству Миллера, Юнкером было написано в Петербурге множество стихотворений на самые разные случаи. Известные нам официальные стихотворения поэта, сохранившиеся благодаря публикациям, составляют, очевидно, лишь незначительную часть его творчества петербургского периода. Ценители поэзии в стенах Академии наук не могли не чувствовать в Юнкере подлинного поэта и не только в сравнении с прежними авторами, волею-неволею вынужденными прибегать к сложению похвальных стихов. Поэтическое дарование Юнкера, замеченное еще в Лейпциге и в Дрездене, в Петербурге могло только выиграть в своей привлекательности. К тому же Юнкер приехал из Лейпцига, своего рода литературной столицы Германии (*petit Paris*, как определит его позднее Гёте), с лучшими поэтами эпохи он был лично знаком (Кёнигом, Менке, вероятно, Бессером, жившим в Дрездене) и в новейшем движении теоретической мысли принимал личное участие. Все литературные новости и события известны были ему из первых рук. Для тех, кто интересовался немецкой поэзией, это не могло не быть притягательным. Глубокое знание поэзии в Юнкере сочеталось с общительностью (об этом говорит Миллер), позволявшей ему быть приятным собеседником, с удовольствием говорившим на интересные ему темы. Среди тех, для кого немецкая поэзия представляла интерес, был Шумахер. Литературные вкусы Шумахера еще не подвергались специальному исследованию, хотя они этого заслуживают, уже потому, что ни от кого, более чем от Шумахера, не зависела литературная политика Академии наук. Единственный из петербургских академиков, получивший специальное поэтическое образование,⁷⁷ Шумахер испытывал интерес не только к немецкой, но и к русской литературе, оказывая благоволение Тредиаковскому после успеха «Езды в остров Любви» и Ломоносову после триумфа его од. Мы располагаем единственным документом, в котором дана зарисовка литературной жизни в Академии наук начала 1730-х годов и роли в ней Юнкера.

В письме от 1 июня 1733 года Тредиаковского к Шумахеру⁷⁸ речь идет о только что состоявшейся беседе с «людьми даровитыми и академиками» о поэзии и о новом лирическом состоянии «восторга» и «исступления» (*extase, la violense*, письмо писано по-французски), связанного с те-

⁷⁵ П. П. Пекарский переводит это место «множество острог», не учитывая, по-видимому, того, что «остроумие» было в эту эпоху важной категорией немецкой эстетики.

⁷⁶ Миллер Г.-Ф. Указ. соч. С. 247.

⁷⁷ В 1711 г. при окончании Страсбургского университета он получил звание магистра поэзии и *laurea poetica* (Пекарский П. Указ. соч. Т. I. С. 16).

⁷⁸ Оно опубликовано Пекарским (Там же. Т. I. С. 41–42).